

У стане прыфрантавой паласы

Праўваўшы абарону на Дняпроў- скім фронце, — Значыць, абавязкова будуць наструбяжы, нямецка-фашистыскія войскі тупацьтут, — вырашыў палкоўнік Сяўгішлі да р. Сож. Вайна наблізілася да мёнаў, начальнік артылерыі дывізіі. межаў Краснапольскага раёна, які стаў — Марозаў, — звярнуўся ён да мяне, — прыфрантавой паласой. Гітлераўская армія едзьце да Варапаева і пера- дайце, каб камандаванне разлічвала, што іх войскі з другі дывізіён тэрмінова перасунуўся вось ходу фарсіру- юць Сож і ўвойдуць у сюды! — паказаў на карце Сямёнаў. — вобласці Расійскай Федэрацыі, аднак сутыкнуліся з стойкай абаронай часцей 128-га стралковага корпуса 4-й арміі дума- юць, што артылерыі ў нас няма... генерала В.С. Папова. Штаб корпуса пасля захопу немцамі Чэрыкава перабраўся на тэрыторыю Краснапольскага р-на і размясціўся непадалёк ад Леснічоўкі. Нівіцкі мост цераз р. Сож быў узарваны. Не дабіўшыся поспеху ў навядзенні пераправы па разбураным мосце, гітлераўцы вырашылі фарсіраваць Сож каля в. Вепрын, але сустрэлі рагучы адпор. Тут знаходзіліся пазіцыі артылерыстаў 84-га палка маёра Варапаева і 111-га стралковага палка 55-й стралковай дывізіі. Яны трymалі абарону па беразе Сажа ад Гронаўа (за пяць кіламетраў на ўсход ад Чэрыкава) да Пралойска.

З успамінаў Д.А. Марозава, памочніка начальніка штаба артылерыі 55-й стралковай дывізіі:

«Камандзір узвода разведкі штабной батарэі лейтэнант Васільеў прывёў у штаб пажылога калгасніка з в. Журавель, які перайшоў на наш бераг. Калгаснік расказаў, што ў лесе, на ўсход ад вёскі, немцы сканцэнтруваюць сродкі пераправы, разборныя маёты, пантоны і лодкі.

— Значыць, абавязкова будуць наструбяжы, нямецка-фашистыскія войскі тупацьтут, — вырашыў палкоўнік Сяўгішлі да р. Сож. Вайна наблізілася да мёнаў, начальнік артылерыі дывізіі. — Марозаў, — звярнуўся ён да мяне, — едзьце да Варапаева і пера- дайце, каб камандаванне разлічвала, што іх войскі з другі дывізіён тэрмінова перасунуўся вось ходу фарсіру- юць Сож і ўвойдуць у сюды! — паказаў на карце Сямёнаў. — Назіральны пункт выставіць ля самай ракі. Прыстрэлу пакуль не весці, няхай немцы дума- юць, што артылерыі ў нас няма... Праз гадзіну мы з маёрам Варапаевым паехалі выбіраць агнявыя пазіцыі і назіральныя пункты для дывізіёна...

10-я нямецкая мотадывізія зрабіла спробу фарсіраваць р. Сож... Пасля бомбавага ўдару авіяцыі і магутнай артылерыйскай падрыхтоўкі гітлераўцы пачалі пераправу ўплаў і на гумавых лодках. Невялікім трупам аўтаматчыкаў удалося замацаўвацца на нашым беразе, але ненадоўга... Атакі ворага былі адбіты з вялікім для яго стратамі. Наша абарона трymалася стойка». (Марозаў Д.А. Аб іх не ўпаміналася ў зводках. Мн., 1966. С. 57-79).

... 6 жніўня гітлераўцы пасля артылерыйскай падрыхтоўкі перайшлі на правым фланзе ў наступление і да гадзіны дня захапілі плацдарм на беразе ракі Сож супраць в. Усце. Бой ішоў на поўнач ад населенага пункта Вепрын. 111-ты

стралковы полк, падтрыманы агнём дывізіёна 84-га артпалка Варапаева, з цяжкасцю адбіваў варожыя атакі.

У тэты ж час немцы пачалі наступление напоўдзень ад Крычава, выйшлі на рубеж р. Лабчанка, захапілі Клімавічы і ўздоўж чыгункі імкліва рухаліся на Касцюковічы, абыходзячы артылерыстаў

маёра Варапаева і іншыя час- ці, якія вялі бой пад Вепрынам.

12 жніўня, на тэты раз пасля моцнай артылерыйскай падрыхтоўкі, праціўнік перайшоў у наступление. Вельмі няроўныя былі сілы, варожая пяхота фарсіравала Сож у некалькіх месцах. Адыходзілі з баямі праз Пільню, Краснаполле, Красную Гару.

З успамінаў І.К. Варапаева:

«...Полк заняў абарону ў раёне Пільні. Першы націск немцаў быў адбіты. Быў адбіты і другі, трэці націскі... Немцы спрабавалі захапіць нас з флангаў. Мы атрымалі загад адыходзіць... Краснаполле мы праходзілі вечарам 14 жніўня, з ныючым болем пакідалі родныя мясціны... Заехаў ненадоўга да маці ў Трубільню... А мае артылерысты занялі абарону ў Мхіні- чах. Авангарды трymалі Халмы... Мы прынялі бой. Фашысты панеслі вялікія страты, так і не здзейсніўши свайго намеру адкінуць нас з ходу.

Апошні бой на зямлі краснапольскай мы далі ў Выдранцы. Ён працяг- ваўся чатыры гадзіны. Свой абавязак перад Радзімай, перад роднымі мясцінамі мы выканалі да канца. Нашы байцы біліся пагеройску. Наперадзе былі жорсткія байнаўкраінскай зямлі, а потым пад Сталінградам...» (Чырвоны сцяг, 1959, 28 кастрычніка).

З успамінаў Д.П. Чучуліна, ураджэнца в. Бірулі Горскага сельскага Савета:

«...У нашай вёсцы Бірулі спыніліся чырвонаармейцы. Яны сказалі, што за вёску будзе бой. Усіх папрасілі пакінуць городкі Краснаполье мы остановілись у свае хаты і схавацца. Я са сваім сябрами книжнога магазинчика и купили Міцем прапанаваў салдатам свою

дапамогу. Мяне накіравалі да салдата-санітара дапамагаць насыць параненых.

Бой пачаўся ў поўдзень. Загружата- ла артылерыя, устаноўленая на могілках. Стралялі ў бок вёсак Гніліцы і Стайкі. Мы з санітарам накіраваліся на перадавую... Даставілі аднаго параненага ў медсанбат і тут жа накіраваліся зноў туды, дзе ішоў бой. Сонца заходзіла, бой паступова заціхаў... Раптам немцы адкрылі агонь трасіруючымі кулямі па вёсцы. Запалала пачатковая школа, а потым малочнатаварная ферма, калгасныя свірны, сялянскія хаты. Адзін з камандзіраў сказаў, што мне пара вяртацца дамоў.

... А раніцай на другі дзень убачыў немцаў. Яны набліжаліся да вёскі. Я глядзеў і чакаў, што вось-вось загружаюць насы гарматы. Аднак па-ранейшаму было ціха. А немцы ўсё бліжэй падыходзілі да вёскі».

Падрыхтаваў Л. Лабаноўскі

З успамінаў К. Сіманава

...У пачатку ліпеня 1941 г. па заданні газеты «Красноармейская правда» на Краснапольшчыне побывалі пісьменнік Констанцін Сіманаў і паэт Аляксей Суркоў. К. Сіманаў пазней у «Дневнике писателя» расказываў:

«Эта поездка, во время которой мы не слышали ни одного взрыва, за исключением далекого грохота канонады где-то на Днепре, у Рогачева, все-таки врезалась в память...

Дороги были пыльные, а от

Кричева до Краснополья неимоверно чырвонаармейцы. Яны сказали, что за ухабистые. В маленьком районном городке Краснаполье мы остановились у книжного магазинчика и купили несколько карт Могилевской области и

Белоруссии... Задание редакции было найти в районе Краснополья находившиеся где-то там дивизии, которые переформировывались после выхода из окружения. Говорили, что у них большой боевой опыт и что мы можем взять в этих дивизиях нужный для газеты материал.

Одну дивизию мы действительно нашли около Краснополья... Мы с Алешей Сурковым поехали дальше, в другую... Дорога шла через какие-то глухие, совершенно неведомые деревни. Они были еще далеко от фронта, и я думаю, что даже потом, уже заняв Смоленск, немцы, наверное, целыми неделями не добирались до этих, оставшихся у них в тылу, глухих мест. Но хотя фронт был еще далеко, по всем дорогам, шедшим с запада на восток, по всем проселкам и тропинкам двигались бесчисленные беженцы. Население окрестных сел пока еще не трогалось с места, хотя многие уже готовились к уходу...

А по дорогам шли беженцы из-под Белостока, из-под Лиды... Они ехали на невообразимых арбах, повозках... Ехали и шли старики, каких я никогда не видел, с пейсами и бородами, в картузах прошлого века. Шли усталые, рано постаревшие женщины. И дети, дети, дети... Детишки без конца. На каждой подводе шесть-восемь-девять грязных, черномазых, голодных детей. И тут же на такой же подводе торчал самым нелепым образом наспех прихватенный скарб: сломанные велосипеды, разбитые цветочные горшки с погнувшимися или поломанными фикусами, скалки, гладильные доски и какое-то тряпье. Все это кричало, скрипело и ехало, ехало без конца, ломаясь по дороге, чинясь и снова двигаясь на восток. Наконец мы заехали в такую глушь, где даже не было беженцев. По проселкам шли

К.М. Сіманаў, А.А. Суркоў, П.А. Лідаў

только мобилизованные. В деревнях оставались женщины. Они выходили на дорогу, останавливали машину, выносили из погребов крынки с холодным молоком, поили нас, крестили и вдруг, как-то сразу перестав стесняться того, что мы военные и партийные, говорили нам: «Спаси вас, Господи. Пусть вам Бог поможет», — и долго смотрели нам вслед. Просьбы взять деньги за молоко отвергались без обиды, но бесповоротно.

Деревни были маленькие, и около них, обычно на косогорах, рядом с покосившейся церквушкой, а иногда и без церквушки, виднелись большие кладбища с одинаковыми, похожими друг на друга, деревянными крестами. Несоответствие между количеством изб в деревне и количеством этих крестов потрясло меня. Я понял, насколько сильно во мне чувство родины, насколько я чувствую эту землю своей и как глубоко корнями ушли в нее все эти люди, которые живут на ней. Горести первых двух недель войны убедили меня в том, что и сюда могут прийти немцы, но представить себе эту землю немецкой было невозможно. Чтобы там ни было, она была и останется русской. На этих

кладбищах было похоронено столько безвестных предков, дедов и прадедов, каких-то никогда не виденных нами стариков, что эта земля казалось русской не только сверху, но и вглубь, на много саженей.

До дивизии, которую мы с Сурковым искали, мы добрались под вечер. Было абсолютно тихо. Так тихо, что хотя до Днепра было еще далеко, все-таки мгновениями слышалось, как там бьет тяжелая артиллерия.

Дивизия стояла на отдыхе. Сейчас в ней оставалось в строю две с половиной тысячи человек. Но подполковник-армянин, который командовал ею сейчас, потому что командир еще был где-то в окружении, спокойно сказал нам, что через два-три дня у него будет восемь тысяч человек. Когда я спросил его, из чего складывается такая арифметика, он ответил, что три тысячи мобилизованных уже собраны в окрестных деревнях, а три тысячи наверняка еще подойдут за эти дни из окружения.

Он говорил об этом так уверенно, словно речь шла о лыжном переходе, когда одни участники уже пришли на финиш, а другие еще в пути. Тогда мне это показалось странным, но потом — и очень скоро — я понял, что он был прав. В окружении оставались пушки, пулеметы, а люди выходили оттуда. Они просачивались через немецкие моточасти, как вода через гребенку. Окружение танками в этих густых минских и смоленских лесах было в большей степени окружением материальной части, чем окружением людей. И люди каждый день проходили через густые леса тысячами. Некоторые из них — ни разу не встретились с немцами.

Из штаба дивизии мы поехали в полк уже на следующее утро. На опушке леса нас встретил только что назначенный

командир полка, капитан, совсем молодой обаятельный парень.

У него в полку оставалось всего двести человек. Но, несмотря на это, чувствовались полный порядок и дисциплина. Он и его начальник штаба подробно рассказывали нам о тяжелых боях, с которыми дивизия отходила от границы, о том, как жестоко и кровопролитно дралился их полк, словом, рассказывали все то, о чем я потом, вернувшись из поездки, написал в своей статье «Части прикрытия». Она по чистой случайности не была тогда напечатана в «Известиях», и мне жаль, что так вышло, потому что я считаю ее у себя единственным описанием первых боев, хоть сколько-нибудь приближающимся к объяснению правды тех дней.

...На прощанье командир полка в порыве добрых чувств обменял Суркову его винтовку на автомат. Я, еще не преодолев штатской страсти к оружию, завидовал Суркову черной завистью.

Мы ехали обратно по тем же самым дорогам. В одном лесочке встретили ребятишек — мальчика лет шести и двух девочек постарше. Они шли с полными кружками земляники. Мы остановили машину и попросили продать нам ягоды. Мальчик был готов продать ягоды, но его старшая сестра быстро отвела его в сторону, что-то сердито сказала ему, потом протянула землянику, отказавшись от денег. Нам не хотелось брать у ребят землянику, не заплатив, но девочка сказала:

— Колька хочет взять деньги, но это нельзя. — Почему? — спросил я.

— Мать узнает, откуда у него деньги, он ей все расскажет, что у вас взял. Мать рассердится и плакать будет, а Кольку выброшет. Вы так берите, мы еще соберем.

Пришлось взять так. Было штабе дивизии тогда еще не были уверены трогательно, а еще больше грустно. Я в этом. Фамилия командовавшего думал, что будет с этими ребятишками дивизией в день нашего приезда через неделю.

Когда мы ехали обратно через Краснополье, то увидели двух женщин, державших на руках ребятишек. Детишки махали руками вслед машинам. Не знаю, почему именно в тот момент меня прошибла слеза и я чуть не заревел. Конечно, детей научили махать руками при виде едущих на машинах военных, и все-таки было в этом что-то такое, отчего хотелось зареветь.

...Вернулись в редакцию под Смоленск во второй половине следующего дня, сделав в обе стороны, наверное, километров восемьсот, если считать все петли. Я рано лег спать, а на самом рассвете, высунувшись из палатки, лежа на животе, написал статью «Части прикрытия». Кроме статьи написал письмо домой...

Утром приехал Борис Громов из «Известий», я передал ему статью «Части прикрытия». Он обещал мне отправить ее в Москву, в редакцию. Только потом выяснилось, что статья так и не попала туда: он забыл ее у нас в «Красноармейской правде» и когда я вернулся из поездки, ребята отдали мне пакет со статьей, которую уже поздно было печатать...

Как я теперь вижу по документам, поехав в район Краснополья в переформировывающуюся после выхода из окружения дивизию, мы оказались в 55-й стрелковой дивизии 4-й армии.

Я пишу в дневнике, что команда дивизии не было, потому что он еще выходил из окружения. На самом деле первый командир дивизии полковник Д.И. Иванов к тому времени, когда мы приехали, уже погиб, но, очевидно, в

«полковника-армянина» была Тер-Гаспарян. Потом в ходе войны Геворк Андреевич Тер-Гаспарян командовал дружественных на руках ребятишек. Детишки гой, 227-й дивизией, а позже был начальником штаба в 60-й армии у генерала Черняховского. Я был в этой армии, Тернополь, и видел начальника штаба. Но, как видно, та первая встреча с ним в начале войны в сорок четвертом году мне не вспомнилась, генерал, начальник штаба армии, штурмовавший Тернополь, должно быть, не ассоциировался в моих мыслях с тем подполковником, который в июле 1941 года с боями вывел остатки своей дивизии от Щары за Днепр.

Может быть, это происходило еще и потому, что во второй половине войны люди, форсировавшие Днепр и Днестр, Неман и Вислу, Одер и Нейсе, сами неохотно обращались в своих воспоминаниях к сорок первому году...

В статье «Части прикрытия», о которой я упоминаю в дневнике, описывались действия 228-го полка 55-й дивизии «На реке Щ.». Географические названия тогда зашифровывались — имелась в виду река Щара. Бой этот происходил с середины дня 24 июня до утра 25-го. В воспоминаниях начальника штаба 4-й армии генерала Сандалова именно об этом бою сказано, что немцы были остановлены вторым эшелоном 55-й стрелковой дивизии на реке Щара и к

исходу 24 июня им так и не удалось перешагнуть ее.

Я писал, что на рубеже Щ. полку (вместе с двумя дивизионами 141-го артиллерийского полка — это я уже добавляю теперь) удалось задержать немецкую

дивизию на двенадцать часов и вывести у немцев из строя тридцать танков и восемь надцать орудий. Судя по документам, это близко к действительности.

228-м стрелковым полком в этом бою командовал Г.К. Чаганава. Известно, что он был ранен в этом бою. Дальнейшее неизвестно. Я нашел его личное дело, в котором сказано, что подполковник Григорий Константинович Чаганава пропал без вести в 1941 году.

В конце статьи было сказано о том, в чем я видел тогда главный смысл происходивших событий: «К рассвету полк оставил этот лес, изрешеченный снарядами, изрытый воронками... Мы тоже понесли серьезные потери, но, как ни были они тяжелы, бойцы в эту ночь чувствовали себя победителями... Бойцы знали: там, сзади, развертываются главные силы, используя эти 12 часов, выигранные ими в кровавом бою».

Слова эти отражали страстную веру отходивших от границы и гибнущих в боях людей в то, что все жертвы недаром, что каждый выигранный ими час поможет нашим главным силам подготовиться наконец, нанести тот встречный удар, неотступное ожидание которого, несмотря ни на что, не покидало нас.

И каждый выигранный час был действительно бесконечно дорог пусть не для нанесения ответного сокрушительного удара, на который мы тогда еще не были способны, а для более реальной цели – создания прочной линии обороны в тылу у отступающих армий нашего Западного фронта.

Армий, а не «частей прикрытия» заголовок моей статьи был утешительной неправдой, в которую мне очень хотелось верить, но которая от этого не переставала быть неправдой...

Друкуецца са скарачэннямі па кнізе: К. Сімонов. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 8. Разные дни войны: Дневник писателя. Т. 1, 1941, М., 1982. С. 74 - 80.

Радкі з Краснапольскай хронікі

1941 г., 22-га чэрвень. Пачалася вайна з гітлераўскай Германіяй. У Нард оме адбыўся мітынг... Сакратар РК КП(б)Б Прахарэнка, ваенком Шудрыкаў закліка- лі краснапальчан быць пільнымі, усебако- ва дапамагаць, каб адкінуць ворага.

1941 г., 12 ліпеня. У асноўным завершана ўсеагульная мабілізацыя краснапальчан. У Чырвоную Армію было адпраўлена больш за 10 тысяч жыхароў раёна.

1941 г., 16 ліпеня. Краснапольшчына стала прыфронтавой паласой, немцы авалодалі Чэрыкавам.

1941 г., 20 ліпеня. У адпаведнасці з Дырэктывай ЦК ВКП(б) і СНК створаны падпольны камітэт на выпадак акупацыі раёна. Яго ўзначаліў сакратар РК КП(б)Б Прахарэнка. У склад камітета ўваходзілі таксама сакратар РК КП(б)Б Гардон, старшина Каамякінскага сельсавета Лосеў, настаўніца Пачапоўскай сямігодкі Жабоўская і іншыя тт. Матэрыяльная база стваралася ў лесе ля в. Пакацкая.

1941 г., канец ліпеня. Пачалося будаўніцтва абарончых збудаванняў. Значная частка насельніцтва прымала ўдзел у будаўніцтве абарончых рубяжоў на р. Сож.

1941 г., ліпень. Знішчальны атрад каля в. Горы разграбамі нямецкі парашутны дэсант.

Канец ліпеня. Мясцовым атрадам са-мабароны захоплены чатыры нямецкія лётчыкі з бамбардзіроўшчыка, які быў падбіты і зрабіў вымушаную пасадку недалёка ад в. Казельская Буда.

Пачатак жніўня. На ўсход вывозілі матэрыяльныя каштоўнасці. Даніла Філімонавіч, Вера Ткачова з калгаса «Пакацкая», Еўдакія Сердзюкова з сяргаса імя Калініна і іншыя калгасныя жывёлаводы ўглыб краіны пагналі грамадскі статак.

Адзін з першых

ПРАХАРЭНКА Фёдар Раманавіч, н.

7 ліпеня 1902 г. у в. Халдзеёўка Клімавіцкага раёна Магілёўскай вобласці ў сялянскай сям'і. У 1920 г. скончыў Клімавіцкую адзінную працоўную школу другій ступені і два гады працеваў настаўнікам у пачатковых школах Рудні, Халдзеёўкі і іншых вёсак.

У 1925 г. яго вылучылі на пасаду сакратара агітацыйна-пропагандысткага аддзела Калінінскага акругома партыі ў Клімавічах. У 1926 г. Фёдар Раманавіч стаў членам партыі.

З 1927 да 1928 гг. малады камуніст працеваў сакратаром агітацыйна-пропагандысткага аддзела Сталінскага акругома

партыі ў Данбасе, адначасова вучыўся ў вячэрній саўпартшколе другой ступені ў горадзе Сталіне.

У 1928 г. вярнуўся на радзіму, працеваў настаўнікам Красавіцкай няпоўнай сярэдняй школы Клімавіцкага раёна, а затым - краёніком спраў Клімавіцкага райкома партыі.

Пэўны час Фёдар Раманавіч знаходзіўся на партыйнай работе ў Магілёве, дзе загадваў улікова-размеркавальным аддзелам, працеваў краёніком спраў Магілёўскага акругома.

У 1930- 1931 гг. ён узнічальваў культурна-пропагандысткі аддзел Хоцімскага РК КП(б)Б Магілёўскай вобласці, а калі пачала выходзіць касцюковіцкая раённая газета «Сталінскі прызыў», больш запаяць гадоў з'яўляўся яе рэдактарам.

З 1935 г. Фёдар Раманавіч зноў на партыйнай работе. Да 1938 г. працеваў загадчыкам аддзела пропаганды і агітацыі Касцюковіцкага РК КП(б)Б, а потым пераведзены на работу ў Магілёўскі аблком партыі.

У 1938 г. Фёдар Раманавіч стаў завочнікам гістарычнага факультета Магілёўскага пединстytута, адначасова заканчваў двухгадовы інстытут партыйнага навучання пры ЦК КП(б)Б. У студзені 1941 г. выбраны выконвающим абавязкі першага сакратара Краснапольскага РК КП(б)Б, а 26 сакавіка зацверджаны на гэты посадзе бюро ЦК КП(б)Б, з вызваленнем ад абавязкаў загадчыка аддзела Магілёўскага аблкома партыі.

Пасля акупацыі раёна нямецка-фашисткімі захопнікамі Фёдар Раманавіч узнічаліў партызанскі атрад, які быў створаны з партыйна-камсамольскага актыву раёна. На вялікі жаль, атрад дзеянічаў нядоўга. У адной сутичцы з немцамі ён быў разгромлены.

Як успамінае былая партызанка атрада, удзельніца Айчыннай вайны Кацярына Назарава (Жыбоўская), у атрад яна ўступіла са сваёй сяброўкай Ірынай Старасценка. «Камандзірам атрада, – піша яна, – быў сакратар Краснапольскага райкома партыі тав. Прахарэнка, камісарам – Гардон. Фашысты наш атрад разбілі, бо ён не меў баявога вопыту. Загінулі камандзір з камісарам. Мы з Ірынай далучыліся да дзеючай арміі. Было тэта ў Арлоўскай вобласці недзе ў лістападзе або пачатку снежня...»

Але, як высветлілася пазней, не загінуў у тым баі камандзір атрада. Ён таксама далучыўся да адной з часцей Чырвонай Арміі.

... У гады вайны Ф.Р. Прахарэнка рэдагаваў армейскую газету. У маі 1942 г. у званні маёра ўзначаліў дыверсійны атрад «Качубей», які дзеянічаў у саставе партызанскай брыгады «Аляксей» на Віцебшчыне. Далейшы лёс Ф.Р. Прахарэнкі невядомы.

А. Ярохін